

LE TEMPS DES MODES

Марсель Эдрих

Загадочная
Коко Шанель

Перевод с французского
Натэллы Тодрия

FASHION BOOKS
Глагол

УДК 82-3;929
ББК 84(2Рос=Рус)г
Э 25

Переводчик Н. Тодрия

Эдрик М.

Э 25 Загадочная Коко Шанель / Марсель Эдрик ; Пер. с фр. — М.: Фэшн Букс ; Глагол, 2007. — 408 с.: ил.

ISBN 978-5-9614-0658-0

В книге друга и многолетнего «летописца» жизни Коко Шанель, писателя Марселя Эдриха, запечатлен живой образ Великой Мадемуазель. Автор не ставил перед собой задачу написать подробную биографию. Ему важно было донести до читателя ее нрав, голос, интонации, манеру говорить. Перед нами фактически монологи Коко Шанель, в которых она рассказывает о том, что ей самой хотелось бы прочитать в книге о себе, замалчивая при этом некоторые «неудобные» факты своей жизни или подменяя их для создания законченного образа-легенды, оставляя за читателем право самому решать, что в ее словах правда, а что — вымысел.

УДК 82-3;929
ББК 84(2Рос=Рус)г

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Фэшн Букс» является подразделением
ООО «Альпина Бизнес Букс»

© Тодрия Н., 2007
© А.Рыбаков, оформление, макет, 2007
© ООО «Альпина Бизнес Букс», 2007
© Издательство «Глагол», 2007

ISBN 978-5-9614-0658-0

Содержание

Предисловие. *Нателла Тодрия* 7

ЗАГАДОЧНАЯ КОКО ШАНЕЛЬ

«Люди, имеющие легенду, сами по себе – эта легенда»	19
«Я была маленькой узницей в своей семье»	37
Миф и реальность	58
«Мне угрожал исправительный дом»	69
Первая победа: заклятие бедности	85
Вторая победа: Коко становится модисткой	102
Третья победа: Коко становится Шанель	115
Познание Всего-Парижа	129
Париж семиста	148
Четвертая победа: герцог Вестминстерский	165
Нежданный друг: Пьер Реверди	178
Молчание оккупации	190
Пятая победа: Коко – деловая женщина	208
Шестая победа: come-back	217
Украшения Коко: «Состояния, которые ничего не стоят»	242
«Французы не любят меня»	246
Одиночество Коко	258
Коко – героиня оперетты	271
Заговор против Коко	278
«Я получаю хорошую взбучку...»	291
Коко за работой	316
Она говорила...	332
Коко открывает «простых людей»	339
Последняя победа: посмертный триумф	347
<i>Комментарии и дополнения</i>	357

Предисловие

Марсель Эдрих назвал свою книгу «Загадочная Коко Шанель». Слова «загадочная», «загадка» неизбежно повторяются всякий раз, когда говорят или пишут о Шанель. И дело заключается не только в тайне того, откуда она вышла – из монастырского приюта или из богатого овернского дома; не в том, кто был ее отец – бродячий торговец или деревенский кузнец; не в том, как прошла ее юность; не в годах, предшествовавших ее известности, которые она всю жизнь яростно уничтожала, пугая следы, порождая самые невероятные легенды, к которым прибавила и свою собственную. Дело заключается в ней самой.

Начиная с 1913 года, когда в Довилле, одном из самых фешенебельных курортов в мире, на рю

Предисловие

Гонто Бирон впервые появилось на белой маркизе черными буквами имя Шанель, о ней знали всё. Знали женщин, которые у нее одевались, знали ее друзей, ее романы, состояние, вкусы, мнения, удачи и неудачи; знали о приемах, которые она устраивала на своих виллах или в салонах на рю Фобур Сент-Оноре, а потом на рю Камбон. Словом, знали всё или почти всё о ней, но не знали и не знают *ее*. Она остается загадкой, потому что была особенной, «решительно ни на кого не похожей», как было замечено в предисловии к ее «Максимам», напечатанным за год до второй мировой войны в одном из женских журналов. И в этой особенности, непохожести быть может и крылась одна из причин ее невиданного успеха.

Она всегда плыла против течения, жила, поступала, добивалась триумфов *вопреки*, разрушая традиции, прокладывая новые пути.

Она и в «От Кутюр» ворвалась внезапно и смело, быстро завоевав мировую известность. Уже в 1916 году, спустя всего три года как она открыла бутик в Довилле, знаменитый американский журнал «Харпер'с Базаар» опубликовал ее первую модель; во Франции это произошло лишь в 1921 году – еще один из парадоксов Шанель: имя ее стало символом Франции, а признание пришло из Америки. Это повторилось и в 1954 году, когда после пятнадцатилетнего добровольного молчания она вновь принялась за работу.

Все известные модельеры, прежде чем сделать себе имя или открыть собственные Дома, проходили то, что можно назвать «школой». Карден учился у Пакэн и Скиапарелли, потом работал у Диора. Живанши был учеником Балансиаги. Известнейший современный модельер Карл Лагерфельд, прежде чем стать арт-директором в 1983 го-

Предисловие

ду Дома Шанель и открыть собственный, начинал у Бальмена*.

Все они вышли из семей крупных промышленников, архитекторов, буржуа или, как Ив Сен-Лоран,* имели богатых меценатов.

Все они еще подростками мечтали стать модельерами.

У Шанель все было не как у других – иначе. Никакой школы. Никаких меценатов. Дочь ярмарочных торговцев, воспитанница монастырского приюта, любовница офицера провинциального гарнизона, страстного любителя лошадей, – как далека была она от кругов, принадлежащих Высокой моде! Да и стремилась ли она приобщиться к ней? Было ли это ее призванием? Талант – да. Может быть даже гений! Но призвание? Шанель занялась этой профессией после долгих колебаний, расставшись со многими иллюзиями, убедившись, что у нее нет другого пути добиться независимости, жадной которой была одержима. (Характерно, что, уже открыв шляпную мастерскую на рю Камбон, она отправилась в парижскую студию Дункан, а разочаровавшись скорее в атмосфере там царящей, чем в методе Айседоры, какое-то время брала уроки у характерной танцовщицы Кариатис*.)

Можно сказать, что не она выбрала профессию, а профессия выбрала ее. К славе Шанель привели тысячи женщин – миллионерши и простые буржуазки, разгадавшие в ней редкий гений сделать их не только элегантными, но и даровать им свободу и независимость.

Когда в начале 10-х годов Шанель стала появляться на скачках в Довилле, она немедленно привлекла к себе внимание, была больше, чем красива,

*Здесь и далее см. «Комментарии и дополнения» на стр. 357.

Предисловие

неповторима: гибкая, полная жизни, со своеобразным очарованием женщины-подростка. Как тонко заметила биограф Шанель Эдмонд Шарль-Ру*, уже тогда она открыла то, что стало секретом обольстительности «по Шанель», выглядеть на десять лет моложе своего возраста. Строгая простота ее костюма, шляпа, напоминающая мужской котелок, резко контрастировали с роскошными туалетами дам полусвета. Такой костюм мог показаться тогда смешным и даже двусмысленным, если бы не природная грация Коко, подчеркивающая женственность ее облика, элегантность и редкое умение носить платье.

Один из главных ее секретов, простоту, приняли за экстравагантность, но экстравагантность самого хорошего тона. Эта простота родилась не только от ее природного вкуса, удивительного чувства меры и редкостного понимания того, что ей идет. Эта простота была и вызовом чрезмерной пышности «Белль эпок»* и своеобразным вызовом судьбе. Шанель казалось, что с помощью этого созданного ее воображением костюма, столь непохожего на туалеты кокоток, она избежит и участи, которой боялась превыше всего, участи остаться содержанкой. Уже тогда может быть еще не до конца отдавая себе в этом отчет, она связывала костюм с положением женщины в обществе, с ее самооценкой в нем.

Так или иначе, вольно или невольно, она действительно создала не только новый облик, но и новый тип женщины, произвела революцию, выходящую далеко за пределы эстетических канонов «От Кутюр». Не случайно в течение многих лет она была центром притяжения для целого поколения женщин, которым, сняв с них корсет, освободила тело, раскрепостила душу и сознание, дала восхи-

Предисловие

тительное ощущение самостоятельности. К ней приходили не просто чтобы заказать туалет, но и вдохнуть и заразиться той дерзкой атмосферой свободы и независимости, которая ее окружала. Она казалась непобедимой, магия ее сияния, обаяние ее незаурядной личности много способствовали успеху ее предприятия. Шанель создала новый тип женщины и открыла перед ней еще невиданные горизонты, потому что сама была этой новой женщиной. «Я родилась на двадцать лет раньше, чем следовало», – не раз повторяла она.

Единственной из модельеров Шанель удалось создать не моду, а свой неповторимый стиль. Ее ни с кем нельзя спутать. В этом стиле нет никаких культурных влияний, исторических реминисценций. Ей все открывали жизнь и собственный опыт. Она любила повторять, что в поисках новых идей рылась в гардеробах своих любовников. С Дягилевским балетом и великим князем Димитрием на какое-то время в ее модели пришли русские мотивы. С Кейпелом и герцогом Вестминстерским – английские. Черный цвет, введенный ею в моду в 1925 году, наследие ее далеких крестьянских предков. Знаменитые в 30-е годы усыпанные блестками платья родились, преобразованные и облагороженные, из воспоминаний о туалетах фигуранток из кафе-концерта «Альказар», в котором она подвизалась в юности.

В профессии ее путеводной нитью стал здравый смысл. Сама Шанель считала, что победу ей принесли очень простые вещи. Она поняла: одежда имеет свою логику, отвечающую потребностям времени, и с этим надо считаться. Разрушая устоявшиеся каноны и традиции существующей моды, она создала стиль, в котором мельчайший парадокс был связан с очевидной функциональностью,

Предисловие

в котором роскошь отделки уступила главенство линии, изящество покроя облагородило недорогие материалы, сделав элегантность и изысканность костюма доступным большинству женщин.

Шанель никогда не рисовала свои модели, она творила их с помощью ножниц и булавок прямо на манекенщицах. Этой кудеснице «достаточно было пары ножниц и нескольких точных движений рук, чтобы из груды бесформенной материи возникла сама роскошь» – писали о ней.

Роскошь! Шанель постоянно твердила о своем пристрастии к ней. Роскошь может быть кричащей и безвкусной. Роскошь «по Шанель» это простота и чувство меры, изящество, совершенство линий и форм.

Она создавала свои модели не как музейные экспонаты и не для того, чтобы известные актрисы или дамы из высшего света «одадживали» их для балов или гала-представлений (бесплатная реклама, выгодная обеим сторонам), а для того, чтобы в них *жили*.

Во все, что делала Шанель, она вносила новые мотивы. Ее прославленные духи «№ 5» стали вехой в истории парфюмерии. Отказавшись от традиционных, легко узнаваемых цветочных запахов – гардении, гелиотропа, жасмина или розы, – она создала состав, в который входило 80 ингредиентов. Он нес в себе свежесть целого сада, но в нем нельзя разгадать запаха ни одного цветка. В этой неуловимости, «абстрактности» особая, чарующая прелесть ее духов. Новостью стали и ее флаконы. Графическая четкость, геометрическая простота их линий бросала вызов изощренным традиционным формам, столь любимым другими парфюмерами. Завораживающая Шанель магия цифр породила и необычные названия ее духов: «№ 5», «№ 19», «Рю Камбон № 31».

П р е д и с л о в и е

Она первая, создавая украшения, смешала драгоценные камни с фальшивыми, изобрела новые, своеобразные формы, сделала их мобильными, способными к трансформации.

Ее идеи декорировки интерьера – будь то вилла на Юге Франции или салон на рю Камбон – стали своего рода школой. У нее учились, ее копировали.

Она была подлинным новатором, эта Великая Мадемуазель.

От своих далеких предков, крестьян-горцев из неприступной области на Юге Франции, родине мистраля, куда никогда не ступала нога завоевателя, Шанель унаследовала непреклонность, стойкость перед трудностями и неудачами, дар веры в непредсказуемое завтра. Гений коммерции, подозрительность крестьянки. А главное – жажду создавать, то есть выжить и пережить себя. От них же пришла к ней и страсть к прочности, умение сделать что-то из ничего и гордость творца, стремящегося к совершенству.

От них унаследовала она черноту волос и глаз, горделивость осанки и легкость походки, ставшей легендарной.

Жизнь и характер Шанель изобилуют парадоксами.

Создательница уникального стиля, она никогда не жаловалась на плагиат. Напротив, испытывала удовольствие, когда ее копировали.

Среди ее постоянных клиенток были миллиардерши Америки, Азии и Востока. А своей главной победой она считала то, что ее стиль был воспринят улицей, простыми людьми.

Она создала колоссальное состояние, но никогда не восхваляла богатство и деньги. Она ценила их

Предисловие

только потому, что они принесли ей независимость, дали возможность помогать тем, чей творческий гений восхищал ее. Ими измеряла она и путь, который прошла сиротка из приюта, ставшая императрицей Моды. Деньги давали ей уверенность в завтрашнем дне.

Шанель никогда не была близка с теми, кто, казалось, должны были стать людьми ее круга: промышленниками, финансистами, деловыми воротилками. Зато у нее было много друзей среди больших художников, поэтов, артистов, музыкантов. На протяжении десятилетий ее окружала художественная элита Парижа: Серты, Дягилев, Стравинский, Пикассо, Дали, Кокто, Макс Жакоб, Кристиан Берар, Жан Ренуар, Дюллен, Жуве, Жорж Орик, Лифарь и многие другие. Она не только дружила, но и работала с некоторыми из них: с Дюлленом, Кокто, Дягилевым, Стравинским, Пикассо, Лифарем, Баланчиным. От всех этих людей она многое взяла, многому научилась. Но поразительно: цена больших художников, восхищаясь ими, она восставала, когда ее называли художником, а то, что она делала – искусством. Она считала свою профессию ремеслом в самом высоком смысле слова и гордилась этим.

Она была расчетлива и щедра. Сколько раз и с каким тактом помогала Шанель Дягилеву, Стравинскому, Реверди, Кокто, Максу Жакобу, помогла Лукино Висконти, с которым ее связывала многолетняя дружба, начать его кинематографическую карьеру, о чем он сам рассказал, когда Шанель уже не было в живых, назвав ее «женщиной поистине фантастической».

Она делала много добра, но не хотела, чтобы об этом знали. Что это: скромность, гордыня? Или она попросту боялась, что ею станут злоупотреб-

лять? В последние годы это стало ее навязчивой идеей. Она была умна. «Такого ума еще никогда не знала Мода», – писали о ней. И беспощадно трезва к себе и к другим. С ней было нелегко, с этой Великой Мадемуазель. И в то же время что-то неодолимо притягивало к ней и, несмотря ни на что, заставляло хранить ей верность. Как это было с такими разными людьми, как, скажем, крупнейший промышленник Пьер Вертхеймер и ее дворецкий Жозеф Леклерк. Или с владельцем отеля «Риц», который отказывался рассказывать о ее приступах сомнабулизма, боясь повредить памяти женщины, безмерно восхищавшей его.

Кокто утверждал, что Шанель «с ее приступами гнева, колкостью, с ее сказочными украшениями, ее творениями, прихотями, крайностями, юмором, щедростью – неповторимая, притягательная, отталкивающая – одним словом, человечная»*...

Через несколько дней после ее кончины известная писательница и политический деятель Франсуаз Жиру написала в журнале «Экспресс»: «До конца яростная и прямая, стояла она, как капитан на мостике тонущего корабля».

Но корабль не пошел ко дну. До сих пор, спустя 35 лет после смерти Шанель, стиль, созданный ею, остается незабываемым. Имя ее продолжает быть символом элегантности и хорошего вкуса. Ее духи сохраняют магическую привлекательность для женщин в разных концах света. Их рекламируют известные французские актрисы. О ней пишут книги, ставят фильмы и спектакли, делают телевизионные передачи. На белых маркизах черными буквами продолжает светиться имя Шанель. Для парижан, да и не для одних лишь парижан, рю Камбон и отель «Риц» неразрывно связаны с памятью о Великой Мадемуазель. Она вошла в историю не

Предисловие

только как великий модельер, дважды совершивший революцию в мировой моде. Андре Мальро* утверждал, что «Шанель, де Голль и Пикассо самые великие личности Франции XX века».

Книга писателя и журналиста Марселя Эдриха, друга и конфидента Шанель последних десяти лет ее жизни, вышла через несколько месяцев после того, как ее не стало. У него не было времени для длительных документальных изысканий, как у других ее биографов. Да он и не ставил перед собой такой задачи. Ему важно было запечатлеть живой образ Шанель, каким он стоял у него перед глазами. Воскресить для читателя ее нрав, голос, интонации, манеру говорить – не «правду» Шанель, а ее такой, какой он ее знал, видел, слышал, ощущал.

Н. Тодрия

С благодарностью –
моему другу Эрвэ Миллю*,
без сотрудничества
с которым эта книга
не была бы написана

Загадочная Коко Шанель

Шанель создала женщину,
подобную которой до нее
Париж не знал.

*Морис Саш**

«Люди, имеющие
легенду, сами по себе –
эта легенда»

Я познакомился с Коко Шанель в 1958 году. Ей семьдесят пять лет. Священное чудовище. Триумфатор: она утвердила свой стиль во всем мире. Я настаиваю, чтобы она рассказала о своих победах перед магнитофоном. Она бормочет в микрофон: «Даже не знаю, была ли я счастлива».*

Она говорила: «Каждый день я что-нибудь упрощаю, потому что каждый день чему-нибудь учусь». Она говорила: «Если настанет день, когда я ничего не смогу изобрести, мне будет крышка». Она говорила: «Эта женщина знает все, чему можно научить, и ничего, чему научить нельзя». Она говорила: «Молодость – это что-то очень новое, двадцать лет назад о ней не говорили». И еще она говорила: «Только истина не имеет предела». И еще: «У меня осталось любопытство только к одному – к смерти».

Из потока слов я выуживал золотые самородки. Это не всегда удавалось. Она говорила быстро, надо было привыкнуть к ее низкому, глуховатому голосу. Я находил, что у нее подчеркнуто вызывающий, почти агрессивный макияж: слишком красные губы, чересчур широкие и черные брови, волосы выкрашены в слишком черный цвет. Тогда я видел в ней прежде всего старую размалеванную даму, которая все говорила, говорила, говорила... Она была на два года старше моей матери. Я думал: что ты делаешь у Коко Шанель, ты, мюнстернец из Мюнстера? Она внушала мне робость. Я развешивал уши. Входя к ней, вы погружались в монолог.

Я смотрел во все глаза. Я посещал монумент. Что известно об Эйфелевой башне? У меня было довольно условное представление о Коко Шанель. Я знал, что она была очень красива, что один из львов «Белль эпок» привез ее в Париж из Мулена, где стоял кавалерийский полк; что в Париже она раскрепостила женщину, сняв с нее корсет; что создала стиль и духи; что герцог Вестминстерский осыпал ее драгоценностями (восемь метров жемчуга, изумрудов и бриллиантов); что она ввела в моду черный цвет, короткие волосы, бижутерию и т.д.

Коко Шанель! Я находился в ее салоне, в пещере Али Бабы с сокровищами Голконды*, лакированными ширмами из Короманделя*, с перламутром, черным деревом и слоновой костью, ланями и львами, золотом и хрусталем, масками, целой стеной бесценных книг, шарами, магией, ароматом туберозы; это была Византия, дворцы китайских императоров, Египет Птолемея*; в зеркалах над камином отражение Греции с Афродитой IV века, облокотившейся на подобие фантастического разъяренного кабана, аэролит, тысячелетие назад упавший из глубины небес на монгольскую землю;

все это спутано, перепутано, смешано, перемешано в чудесном и гармоничном беспорядке, организованном безошибочном вкусом Коко. Роскошно. Слишком роскошно, на мой взгляд. Можно ли здесь жить? Спать, любить на этом диване? Я задавался тем же вопросом в Ватикане в апартаментах Борджиа*: можно ли действительно дышать, есть, пить, наслаждаться любовью в этом великолепии? Обнажает ли папа голову, когда его бреют? Коко никогда не снимала шляпу, как будто отдавала визит самой себе в своем музее Шанель.

В тот день (мои первые записи датированы 1 августа 1959 года) это была плоская соломенная шляпа с широкими полями и большой брошью, приколотой спереди на тулье. На ней был очень легкий, почти белый с отблеском бледного золота костюм. Она то и дело одергивала жакет. Говоря, не переставала курить.

– Когда кончится вся эта суматоха, я переделаю некоторые модели, – сказала она.

Только что вместе с Эрвэ Миллем я присутствовал на субботней демонстрации ее коллекции. В ту пору я работал главным редактором «Мари-Клер», но никогда не занимался модой, так как был уверен, что ничего в ней не понимаю; да она меня и не интересовала. Для этого отдела журнала у нас были наши дамы – чарующие создания, невинные и порочные, медоточивые и беспощадные. Грандессы в своей Испании, они называли Диора или Берара* Кристианом, Фата* Жаком, Бальмена Пьером. Глядя на них, этих дам из газет и журналов, собравшихся на демонстрацию коллекции, можно было только недоумевать по поводу моды. Однако они служили ей как весталки, поддерживавшие огонь на алтарях Рима, с той же преданностью и убежденностью; часто такие же целомудренные, как вестал-

ки – не по обету, поневоле, – а следовательно, нервные, раздражительные, надушенные, закаленные, непреклонные. Они соблюдали диету и умели считать только калориями. Их нельзя было похоронить заживо, как весталок, нарушивших обет, когда они не оправдывали надежд.

Коко говорила:

«Философия моды? Не понимаю, это пустые слова. Мода для молодых? Это бессмыслица: не существует моды для старых. Что значит – молодежная мода? Одеваться, как маленькая девочка? Нет ничего глупее, потому что ничто так не старит. Они все путают, все смешивают. Мода иногда бывает глупой. Тогда ею пренебрегают. Ею пренебрегают и когда она некрасива. Мне хотелось бы спросить модельеров, что такое мода. Ни один из них не ответил бы вразумительно. Мода той или иной страны – это образ жизни ее обитателей, их манера одеваться. Делают все возможное, чтобы помешать француженкам одеваться так, как одеваются во Франции. Модельеры хотят продавать за границу, только об этом и думают, а так как они слишком мнят о себе...»

По разным причинам она заставляла меня вспоминать о Мосаддыке*, – говорю это не для того, чтобы поразить и не ради красного словца. Прежде всего, мне казалось невероятным, неправдоподобным, что я нахожусь у нее, в ее роскошном салоне. То же чувство было у меня, когда в Тегеране я вошел в побеленную известкой монашескую келью Мосаддыка, единственным украшением которой были часы со стальным браслетом, висевшие на гвозде над ночным столиком.

В Тегеране была революция. Парижские газеты на восьми столбцах сообщали, что на улицах лют-

ся кровь. Лилась главным образом vodka-lime¹ в глотки журналистов, бросившихся в Иран со всех концов света. Было лето, стояла страшная жара.

Мосаддык говорил со мной по-французски. Вначале я понимал его не больше, чем Мадемуазель Шанель. Он говорил не так быстро, как она, но тоже с множеством отступлений. Казалось, он забывал о нефти, декламируя поэму Зороастры* о битве света и тьмы. Он просто возвещал о том, что происходит: более справедливое распределение мирового богатства уже не благодаря приводящей в отчаяние милости Запада, а из-за поднятия цен на нефть и другое сырье, которое мы покупаем в третьем мире.

Политика может быть благотворной, только если она соответствует морали своего времени, позволяющей большей части человечества жить в согласии. Вот истина, которую преподал мне Мосаддык, когда я сидел у его изголовья, счастливый и гордый тем, что он избрал меня среди двухсот моих коллег, чтобы посвятить в свой символ веры.

Шанель поставила передо мной ту же проблему, что и Мосаддык: найти золото в потоке слов. Говоря, она пронзала вас взглядом, как насекомое булавкой: вы слушаете? Вы меня слышите? С моих кроваво-красных губ срывается не пустой звук. У меня есть много что сказать, а меня недостаточно внимательно слушают. Думают, что я говорю, чтобы заполнить пустоту моей жизни. Вы эльзасец, кажется, вы способны быть внимательным. Сядьте возле меня. Отныне будем друзьями.

Так ли далека мода от нефти? В этом замкнутом мире деньги тоже добиваются победы за счет морали.

– Когда руководят журналом мод, нельзя допускать плохой вкус, – говорила Мадемуазель Шанель.

¹ Лимонная водка (англ.). Здесь и далее примечания переводчика.

Мы подступали к сути нашей первой встречи, организованной Эрвэ Миллем, одним из самых старых друзей Коко, который после ее возвращения (ее *come-back*¹) не переставал ломать за нее копыя.

Можно ли вообразить покойного толстяка Ага Хана*, слезающего с весов, на которых каждый год алмазами измеряли его вес, чтобы упрекнуть своих слуг за то, что они украли десять или двадцать каратов из более чем ста килограммов бриллиантов?

Великая Мадемуазель реагировала именно так: ее новая зимняя коллекция прошла с триумфом, и, однако, несмотря на поток похвал (ожидаемых, презираемых, необходимых, бесполезных), она раздражалась, улавливая некоторую сдержанность по отношению к своим неизбежным «костюмам-шанель». Кто эти журналисты, освистывающие меня? Она, которая ничего не просила, когда ей давали все, удивлялась, что дают так мало.

Накануне, на премьере своей коллекции, она заметила писательницу Эдмонд Шарль-Ру, в ту пору директора журнала «Вог», одетую во «что-то отвратительное». Разумеется, в платье из другого Дома.

– Почему ты надела его, Эдмонд?

– Мне его подарили.

– Тем более не следует это носить.

Лукавство и улыбка заставляли забыть ее возраст.

У нее были очень красивые круглые колени, которые она неустанно закрывала подолом юбки, складывая на них руки.

– Если бы я была журналисткой, пишущей о моде, то, приходя на презентацию коллекции, одевалась бы самым тщательным образом.

¹ Возвращение чемпиона на соревнования после долгого отсутствия (*англ.*).

Глаз – черная булавка с золотыми искорками – допрашивал:

– Если бы были женщиной, вы бы пришли на демонстрацию моей коллекции в шанель, не так ли?

Слуга приносит цветы. От кого? Она бросает взгляд на карточку: Аведон, знаменитый американский фотограф.

– Какой дурак, – говорит она, скривив рот в недовольной гримасе.

И приказывает отнести букет в соседнюю комнату; она называла ее кладбищем.

– Туда ставят цветы, присланные людьми, которых я не люблю.

Несколько букетов оставалось в салоне.

– Это от тех, кого люблю, я сохраняю их даже увядшими.

Почему Аведон попал в немилость? Для репортажа в «Харпер'с Базаар», сделанного по сценарию Трумена Капоте*, он фотографировал ее модели, которые выбрала и демонстрировала Одри Хэпберн. В Америке парижские моды оставались событием. Журналы соревновались в поисках писателей для репортажей.

Привлечь для этого Трумена Капоте! Я подумал: у них есть деньги? Коко было наплевать на гонорары писателя, ее возмутил выбор актрисы. Могла ли она смириться с тем, что Одри, одевавшаяся в жизни у Живанши, представляла в журнале Шанель?*

– Зачем им понадобилась иностранка, – ворчала она. – Нет, что ли, красивых девушек во Франции?

У меня перед глазами стояли чудеса, созданные ею для зимы: костюмы из твида, легкие, как гагачий пух, сногшибательные романтические вечерние платья, черный бархат, кружева. Для каждой модели десятков находок. Платья Коко, как заметил

кинорежиссер Франсуа Рейшенбах*, – это музыка Великих. В них всегда находишь то, что ждешь, но и, сверх того, обязательно какую-нибудь неожиданность.

«Мари-Клер» два раза в год публиковала указы модельеров, анализируя их строжайшим и точнейшим образом: круглые воротнички, широкие плечи, высокая талия, подчеркнутая грудь, юбки до колена, прямые пальто, расклешенные платья, что там еще? Все это не сходило с уст наших дам, всего этого следовало придерживаться под угрозой прослыть старомодной – какое несчастье, какой позор для женщины! Но вот уже в 1959 году, после четырех лет возвращения Шанель, стало ясно, что все это не имеет больше смысла, потому что эту моду убил стиль Шанель.

Кто это знал?

Прежде всего этого не знали модельеры, считавшие, что они эту моду создали.

Мадемуазель Шанель делала вид, что презирает их. Однако эта властная императрица, казавшаяся такой уверенной в себе, была всегда полна тревоги. Она провела жизнь, балансируя на канате, который сама протянула над созданной ею пустотой. Чем больше я знал ее, тем больше хотелось мне ее узнать. При каждой новой встрече она казалась мне все более патетичной, часто вызывающей жалость, отравленной тайной, о которой сама уже ничего не знала. Она говорила:

– У меня не было времени жить. Никто этого не понял. Даже не знаю, была ли я очень счастлива. Много плакала, больше, чем обычно плачут люди. Была очень несчастна, даже когда приходила большая любовь.

И далее следовала эта восхитительная фраза, которую едва хватало времени уловить в потоке слов:

– Великие страсти – их тоже надо уметь переносить.

Она привыкла ко мне. Говорила со мной очень непринужденно.

– Я помню только, как была несчастна в жизни, которая внешне кажется такой блестящей, – призналась она при нашей третьей или четвертой встрече.

– Я всегда терзалась, – говорила она, – прежде всего потому, что никогда не хотела покинуть Дом Шанель, единственное, чем я владею целиком, что принадлежит мне одной, единственное место, где я чувствовала себя действительно счастливой. Здесь мне никогда не докучали. Все, что я делала, имело успех. Мне оставалось лишь требовать деньги, когда я этого хотела. Я видела только улыбки. Никто не смел быть неприятным со мной.

Забывался ее возраст. Нельзя было не поддаться власти ее глаз, глаз требовательной нищей. Она весила ровно столько же, сколько в двадцать лет. Почему она так упорно вносила путаницу во все, что касалось ее возраста?

При первой встрече она рассказывала о молодом американце, недавно посетившем ее. Описывала его: узкие брюки, длинные ноги, однобортный пиджак, застегнутый на три пуговицы. Когда о нем доложили, его имя напомнило Коко о забытых друзьях, «людях очень скучных, но тем не менее в Штатах я была непрочь видеться с ними». Так как она была одна и ее немного мучила совесть:

– Просите, – сказала она портье. Она рассказывала свои истории, как бы сохраняя их хронометраж. Пока молодой человек поднимался по лестнице, она вынесла свой приговор Америке: «Пропавшая страна, там ценят только комфорт, страна, где богатые покупают картины, чтобы вло-

жить деньги. Они покупают их для рекламы: немедленно становится известно, что такой-то купил Ренуара». Напротив, Германия познавала настоящую роскошь:

– Я бывала в немецких замках. За каждым стулом стоит лакей. Серебро замечательное, хоть и тяжеловатое, но это настоящая роскошь. Во Франции – половина наполовину. Все так американизируется во Франции. Какое заблуждение – жертвовать роскошью.

Отступление закончено. Молодой американец в узких брюках входит в салон. Коко встречает его словами:

– Вы сын мадам...

– Нет (она имитирует его манеру говорить), мы только однофамильцы.

– Так чем же я могу быть вам полезна?

– Видите ли, Мадемуазель, мы с моим другом (я забыла его имя) революционизируем искусство интервьюирования.

– В самом деле?

– Да, Мадемуазель. Мы задаем всего три вопроса. И если они правильно выбраны, из ответов на них можно узнать все, что нам нужно.

– Неплохо.

– Вы согласитесь ответить, Мадемуазель?

– Садитесь, месье.

– Так вы соглашаетесь?

– Еще не знаю. У меня очень мало времени. Потропите.

– Сколько вам лет, Мадемуазель?

– Это вас не касается.

– Это не ответ, Мадемуазель.

– Вы правы, месье. Раз обещала, должна ответить. Итак, мой возраст зависит от того, какой сегодня день и от людей, с которыми я говорю.

Люди, имеющие легенду...

– Это меня вполне удовлетворяет, Мадемуазель.

– Подождите, месье, я еще не закончила.

И, обратившись ко мне и Эрвэ, она объясняет:

– Я начала сердиться, вы понимаете?

После чего, вернувшись к молодому американцу:

– Когда мне скучно, я чувствую себя очень старой, а так как мне страшно скучно с вами, то через пять минут, если вы не уберетесь прочь, мне будет тысяча лет.

Молодой американец уничтожен. Два других вопроса, чтобы «все узнать о Шанель» застряли у него в глотке. Прощайте, молодой человек. О, знаете, в Америке это совершенно в порядке вещей, журналисты там могут спрашивать о чем угодно.

В ту пору я очень увлекался магнитофоном, который мне подарил американский художник Россуэл Келлер; я взял интервью у Брижитт Бардо, получилось удачно. Коко колебалась:

– Я рассказываю невесть что, – говорила она.

Прошли месяцы. Я чаще виделся с ней, привыкал к ее макияжу, голосу, слушал ее внимательнее. Однажды вечером я застал ее спящей на диване. Шляпа надвинута на глаза, костюм из твида, юбка натянута на колени, руки сложены на животе, большой палец просунут в одно из ожерелий. Это было зимой, в феврале, после показа новой коллекции. Я уже поздравил ее и вернулся, чтобы поужинать с ней. Из-за двери под сурдинку доносилась мелодия Вагнера.

Я вошел, решив, что она не слышала, как я постучал. Она спала. Значит можно спать на парадном диване. Кругом стаканы, окурки в пепельнице, терпкий запах шампанского. Не убирали, чтобы не разбудить ее.

Прежде чем я успел уйти, она открыла глаза:

– Останьтесь.

Приподнялась, поджав ноги и натянув, по своему обыкновению, юбку на колени.

– Вот, – пробормотала она, – что такое слава, слава – это одиночество.

Каждый вечер, когда наступало время ложиться спать, она упиралась, словно над раскрытой бездной, может быть потому, что погружалась в сон, как погружаются в смерть. Всем, кто ужинал с ней, хорошо был известен сценарий:

– Уже поздно, Мадемуазель. Не время ли вам...

Она не слышала. Кончалось тем, что все вставали.

Она не замечала этого. Продолжала говорить, опирая юбку на круглых коленях.

– Надо... Не думаете ли вы, Мадемуазель...

Она ускоряла свой рассказ, или сетования, или обвинения.

– Что же, – вздыхала она наконец, – надо спать. Завтра предстоит работа.

Она поднималась. Поправляла шарф, шляпу, снова садилась. Брала свою сумку, открывала ее, клала в нее очки, три пары – для чтения, для дали, для кино, – таблетки, портсигар, новенькие, сложенные вчетверо десятифранковые банкноты, приготовленные для чаевых. Снова вынимала, рассматривала, проверяла все это. Читала несколько писем, полученных за день, вкладывала их обратно в конверты. Шаг за шагом ее подводили к двери. В дурную погоду в передней на кресле лежал ее плащ. Спускались по лестнице со множеством остановок, она все произносила монологи, и так весь короткий путь от рю Камбон до отеля «Риц», до последней остановки в тамбуре отеля, где, казалось, собиралась провести ночь. И ни малейшего признака усталости, тогда как вы уже еле держались на ногах. Не было сил слушать, понимать, запомнить

то, что она рассказывала. Вы покидали ее в полном изнеможении.

В моих записях, датированных 9 февраля 1960-го, я нахожу признание, сделанное ею в тамбуре «Рица»:

– Лед сломан между нами. Вы вернетесь. Будете задавать мне вопросы. Я подумаю. У меня есть заметки. Я перечту их.

Весь вечер она доверчиво говорила перед магнитофоном. Я настаивал, чтобы она рассказала свою жизнь. Она уклонялась:

– Никого не может заинтересовать чужая жизнь. Если бы я писала книгу о себе, то начала бы ее с завтрашнего дня, а не с того, что уже прожила, не с детства, не с юности. Прежде всего надо высказать свой взгляд на эпоху, в какую живешь. Это логичнее, новее и занятнее.

Когда речь заходила о ее жизни, она напоминала мне котенка, играющего с клубком шерсти. Потянет нитку, клубок покатится, котенок испуганно спасается бегством, следит издали, возвращается успокоенный, протягивает одну лапку, снова тянет нитку.

– Я говорю максимами, я записала сотни их.

Один американский издатель уговаривал ее написать книгу советов для женщин. Я протестовал:

– У вас есть более важное дело.

– Да, да, я напишу эту книгу советов, а потом будет видно.

И добавила:

– Хочу, чтобы что-нибудь осталось после меня.

Американский издатель предложил ей большой аванс.

– Я не нуждаюсь в деньгах, – говорила она. – После меня и так останется много. Я даже не могу истратить всего, что зарабатываю.

Она ела крутое яйцо, ножом срезала белок, очищала его от пленочки после того, как скорлупа была уже снята. Мне подавали жареного цыпленка.

– Вы едите лапки? В детстве мне приходилось их есть, потому что все остальные куски предназначались взрослым. Теперь я их не ем.

Она прочла несколько максим, написанных, как она уточнила, в Нью-Йорке у Мэгги ван Зюйлен. Она провела целое воскресенье, выбирая их «из кучи других». Я уделил недостаточно внимания этому чтению, потому что придавал меньше значения максимам Коко Шанель, чем ее воспоминаниям. Я был неправ, так как не сразу сообразил, что, читая их, она давала мне понять, в каком тоне следует писать о ней. Это была та музыка, та великая опера, которую она мечтала оставить после себя. Я понял это слишком поздно, когда магнитофонная запись со всей отчетливостью воскресила эту почти стершуюся из памяти сцену, понял всю важность того, что происходило в тот вечер, понял, что Коко открывала мне свою сущность. Вот несколько максим, прочитанных тогда Мадемуазель Шанель:

Счастье заключается в осуществлении своего замысла.

Можно продолжить свой замысел и после жизни, чтобы реализовать его в смерти.

За исключением материальных дел, мы нуждаемся не в советах, а в одобрении.

Для тех, кто ничего не понимает в искусстве, красота называется поэзией.

Перечитывая эти максимы, отмечая их птичкой в старом блокноте, чтобы заполнить воскресную тоску, она, должно быть, умилялась сама себе. Как хорошо то, что она написала, как мало стараются ее понять, кто знает о том огне, какой пылает в ней? Когда же она читала свои максимы вслух Эрвэ Миллю, его брату Жерару и мне, она уже не была

так уверена, что написала что-то, что останется в веках. (Хотя мы не скупимся на похвалы.) Читала все быстрее и быстрее, не глядя на нас.

Следует опасаться людей, одаренных умом, но почти лишенных здравого смысла. Мы окружены ими.

Не нас ли она имела в виду? А вот что она записала о себе:

У меня безусловно есть недостатки и слабости, но я раздражаю и вызываю гнев моих друзей лучшим, что есть во мне: пристрастием к справедливости и правде.

Еще, относящееся к ней самой:

Всякое превосходство, как правило, приводит к своего рода изоляции. Оно заставляет выбирать друзей и знакомых.

Почему? Можно ли было спросить ее об этом, ее, которая говорила: «Я предпочитаю завтракать с клошаром, если он меня забавляет, чем с богачами, наводящими скуку».

Впрочем, мне кажется, я вижу, как она подняла голову, прочтя это, и слышу (благодаря магнитофону) ее голос:

– Я должна была изнывать от скуки в Америке, когда писала это.

Она прочла еще:

Нет ничего более лестного, чем сладострастие, которое ты вызываешь, потому что рассудок в нем не участвует. Сладострастие не зависит ни от твоих достоинств, ни от твоих заслуг.

– Неплохо, – заметила она, – время от времени я пишу вещи, которым сама удивляюсь.

Я находил, что она была более убедительна, когда, как бы стреляя в цель, выпаливала свои суждения, не думая и не заботясь о форме: «Можно привыкнуть к уродству, но никогда нельзя смириться с неряшливостью. Женщина должна быть надушенной и чистой, без этого она неряшлива. Я очень

люблю духи. Люблю женщин хорошо ухоженных, надушенных. Отвратительно, когда от них пахнет неряшливостью».

И все же нельзя не восхищаться тем усилием, с каким из чувства собственного достоинства, она старалась облечь свои мысли в литературную форму.

Святой в обществе так же мало полезен, как в пустыне. Но если в пустыне святые бесполезны, то в обществе они часто опасны.

Страх божьего гнева удерживает от греха тех, кто не очень хочет или не в состоянии его совершить.

Сокровища божественного милосердия ободряют даже преступников, так как они имеют основания надеяться, что разделят их с другими.

Прочтя три последние максимы, она спросила нас:

– О чем я думала, когда писала это?

Не дав нам времени предложить свои объяснения, она прочла, засмеявшись, и как бы подчеркивая этим смехом свою мысль:

Мои друзья – у меня их нет.

И закончила:

Так как все находится в голове, не надо ее терять.

– Вот, – сказала она, – что я написала на последней странице моего блокнота. Наверняка со мной был кто-то, кто мне докучал. Я притворялась, что делаю заметки.

Наши похвалы и комплименты не успокаивали ее:

– Я провела воскресенье, разбираясь в этой писанине, безумно старалась, делая эту никому не нужную работенку.

Этот упрек был адресован мне. «Никому» – это мне, я понял это с опозданием в десять лет, ведь это я заставлял ее рассказывать о себе. А ведь уже достаточно хорошо знал ее, чтобы оценить трудность та-

ких стараний. Она уже пробовала сделать это, когда начинала с Луиз де Вильморен*, с Гастоном Бонэром, Жоржем Кесселем, Мишелем Деоном* и многими другими. Она не щадила никого из них, рассказывая мне об этом. Нетрудно было представить себе, что будет она говорить обо мне, когда потерпит неудачу наша попытка литературного сотрудничества. Впрочем, я должен был понять, что надо обладать более чем неиссякаемым терпением, чтобы вместе с Коко рассказать о Шанель.

Что это такое – правда чьей-то жизни? Метрика? Даты? Свидетельства о крещении и прививках?

Она говорила: «Люди, имеющие легенду, сами по себе – эта легенда».

Вот почему она затрачивала столько усилий, выстраивая миф Шанель, создавая максимум путаницы: я уже не та, какой была. Я останусь той, какой стала.

Почему бы и нет? К тому же это трогательное желание прощали другим выдающимся личностям – маршалам, политическим деятелям, ученым.

Шанель – создание Шанель, такая, и только такая, рожденная ею, вылепленная собственными руками из собственной глины и никакой другой.

«Ты наденешь свою шанель?» Кто еще дал свое имя костюму? Причуды моды потребовали, чтобы благоразумием и благопристойностью стала и навсегда оставалась Шанель. Она стала символом скромности, вкуса и чувства меры. Шанель – это классика и, следовательно, принадлежит векам.

– Когда моя жена одевается у вас, я спокоен, – признался президент Помпиду*, когда однажды вечером Шанель ужинала в Елисейском дворце*.

Она ушла из жизни с уверенностью, что стала своего рода заветом. Это было подтверждено во

время заупокойной мессы в Мадлен* – ее последнем парижском пристанище – с фимиамом и святой водой.

Что же касается всего остального, ее жизни... Когда Эрвэ Милль познакомился с ней в 1935-м и рассказал о журнале «Мари-Клер» с его сногсшибательным стартом – тиражом, приближающимся к миллиону экземпляров, она ответила:

– Клиентки Шанель читают журналы-люкс – «Вог», «Харпер'с Базаар». Эти журналы создают нам рекламу. Общедоступные журналы с большим тиражом творят нашу легенду. Моим клиенткам нравится, что, входя ко мне, они переступают магический порог волшебного мира. Они испытывают удовлетворение, может быть несколько вульгарное, их восхищает, что они принадлежат к привилегированным, которые причастны легенде. Это доставляет им гораздо больше удовольствия, чем просто заказать еще один костюм.

Коко заключила:

– Легенда – это признание славы.

Чтобы соткать свою легенду, она превратилась в Пенелопу: ночью распускала то, что сделала за день и без усталости начинала все заново. К какой истине приближалась она? И с кем хотела разделить ее?